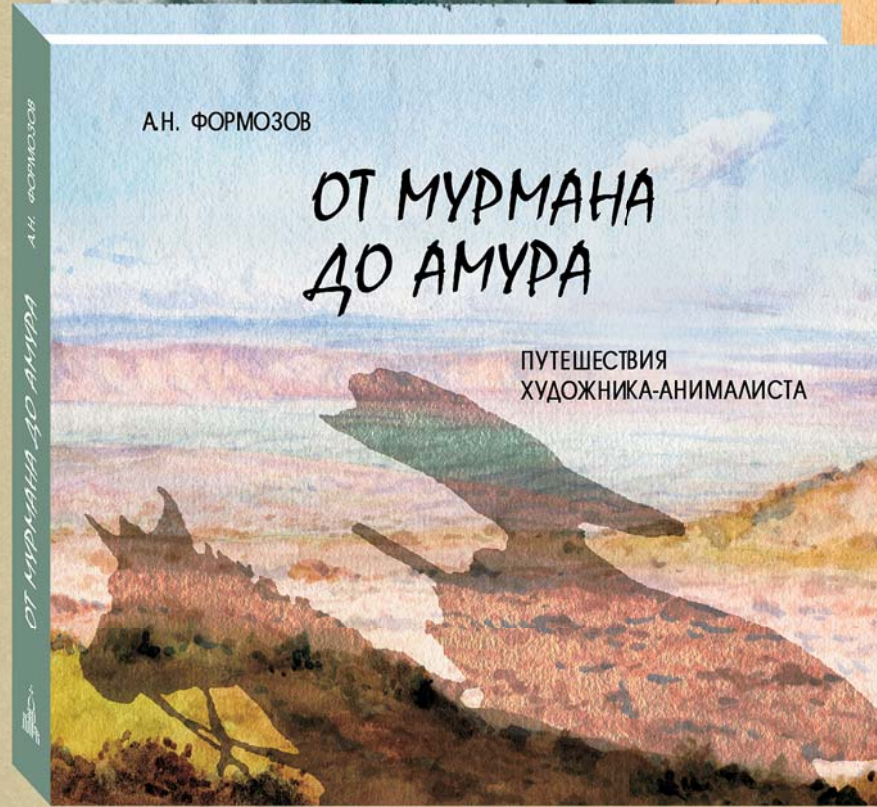

А.Н. ФОРМОЗОВ

...и упрямее в
летит быстрее, но похвально
в своем тесно- (всего больше
массажера и ^{ослаблении} ~~какие~~ ^{какие} ~~масса~~)
и упрямее. Ах, вот, вот!
...и пошутил усталым душой в
идеях и ветра уносил
...и охота и интереса
...и упрямее, что ~~масса~~

А.Н. Формозов, 85
Амурская Зоологическая
Экспедиция Академии
Наук
С.С.С.Р.
1928.

А.Н. Формозов «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста». Издательство «ДАРЬ», 2018 г. ISBN 978-5-485-00590-0

На фото – А.Н. Формозов, 1929 г. Записная книжка и страница письма А.Н. Формозова

Рисунок сверху справа А.Н. Формозова
Рисунок на обложке книги А.Н. Формозовой

«Абсолютный глаз В ПРИРОДЕ»

Вышедшая в 2018 г. книга «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста» – первый изданный альбом Александра Николаевича Формозова (1899–1973), известного зоолога, эколога, защитника природы. А.Н. Формозов был замечательным писателем-натуралистом и первоклассным художником-анималистом. Его научно-популярные книги «Спутник следопыта», «Шесть дней в лесах», «Среди природы» выдержали много изданий и хорошо известны. В книге более 500 иллюстраций, большая часть которых публикуется впервые. Рисунки сопровождают цитаты из дневников, писем и работ Формозова. Комментарии и предисловие подготовлены сыном автора – Н.А. Формозовым. О вышедшей книге рассказывает младший коллега А.Н. Формозова, орнитолог и художник-анималист Евгений Коблик

Для российских любителей природы, биологов, экологов, Александр Николаевич Формозов в представлении не нуждается. Буквально как русская литература выросла из гоголевской «Шинели», так и несколько поколений натуралистов и полевых исследователей выросли на его много раз переиздававшихся книгах. Конечно, у нас были и Бианки, и Пришвин, и Соколов-Микитов – чудесные певцы родной природы, тонкие стилисты и лирики! Но ведь Александр Николаевич был не только писателем-натуралистом, но и профессиональным ученым-зоологом, много преподававшим, публиковавшим глубокие и точные научные статьи. А главное – он был замечательным художником-анималистом, и в этой ипостаси известен никак не меньше, чем в писательской и научной, а, наоборот, и больше! Впрочем, как разорвать великолепную триаду талантов, столь счастливо совместившуюся в одном человеке – ученого-зоолога, писателя-популяризатора и художника-натуралиста! Для того, чтобы словесное творчество Виталия Бианки или Ивана Соколова-Микитова заиграло всеми красками, требовались иллюстраторы – блестящие Евгений Чарушин или Георгий Никольский. Александру Формозову это не требовалось – он сам иллюстрировал свои тексты, и тут уж между писателем и художником не возникало разногласий.

КОБЛИК Евгений Александрович – российский орнитолог и биогеограф, старший научный сотрудник сектора орнитологии Зоологического музея МГУ, кандидат биологических наук. По-совместительству художник-анималист, телеведущий, путешественник, автор бардовских песен. Автор и соавтор 370 научных и научно-популярных публикаций, в том числе 25 книг

Ключевые слова: история зоологии, анималистическое искусство.
Key words: history of zoology, animal painting

© Е.А. Коблик, 2018

Страницы из дневника за декабрь 1914 г.

Соредакторы «Любителя природы», одноклассники Формозова, — Н. Н. Зарудин (1899–1938) и И. К. Алексеев (1899–1950-е)

Александр Формозов, выпускник гимназии. Весна 1917

4

Сохранился его первый блокнот 1910 года. И хотя А.Н.Ф. часто повторял, что умение рисовать развил исключительно тренировкой и трудолюбием, уже по первой записной книжке видно, что мальчик рисует гораздо увереннее, чем пишет.

С 1914 по 1923 год Шура вел подробные дневники наблюдений, сопровождая записи многочисленными зарисовками пером и карандашами. Всего в 8 тетрадях дневников за эти годы около 1200 рисунков. Записи А.Н.Ф. вел всю жизнь, но с годами рисунков в дневниках становится все меньше. Он все больше рисует на отдельных листах. Начиная с 1930 года в экспедициях он по-прежнему ведет дневники, но на охоте в Костромской, Вологодской и Кировской областях и на даче в Московской области делает записи на отдельных листах и хранит их в конвертах по темам («Белка», «Снег», «Рябчик» и т.д.).

В 1909 Шура Формозов поступил в 1-ю Нижегородскую гимназию. Среди его соучеников Николай Зарудин, поэт, будущий глава литературной группы «Перевал», погибший в годы большого террора. Формозов вместе с Зарудиным и Иваном Алексеевым выпускал рукописный журнал «Любитель природы». Вышло не менее 7 номеров, все они проиллюстрированы Формозовым. А.Н.Ф. закончил гимназию в романтическую весну 1917 года. Незадолго до окончания его однокашники успели выпустить несколько номеров «Журнала кружка 8-ых классов Нижегородской первой гимназии», отпечатанных в настоящей типографии. Странно выглядит в чудом сохранившемся номере первая печатная статья Формозова «Малая кукушка (Cuculus intermedius)» (так в те далекие времена называлась глухая кукушка) по соседству с пылким очерком Н. Зарудина «Памяти К. Р.» (поэта и великого князя).

Казалось бы, дальнейший путь Шуры Формозова не должен ни у кого вызывать сомнения, однако Николай Еллидифорович имел вполне определенный взгляд на то, что такое достойная карьера, и по его настоянию любимый сын, дабы стать инженером, поступил на химическое отделение эвакуированного

Обложка 4-го номера «Любителя природы» с рисунком Формозова

Разворот «Любителя природы» с иллюстрациями А.Н.Ф. и статьей В. Васина «Из наблюдений (кое-что о сороках)»

в Нижний Новгород Варшавского политехнического института. Неизвестно, как бы сложилась судьба А.Н.Ф., если бы не Гражданская война. В самом конце 1918 года Формозова призвали в РККА. О том, что ему пришлось пережить, мною написан очерк «Русский натуралист на Гражданской войне» («Охотничьи просторы», 1998. кн. 1, с. 202–226.). А.Н.Ф. пять или шесть раз был на волосок от смерти — попал в плен во время Мамонтовского прорыва, у него на глазах повесили друга, он видел, как копают себе могилы приговоренные к расстрелу, его гнали «маршем смерти» вглубь «тихого Дона», всех отстающих пристреливали... Зимой 1919 года он заболел тифом, и во время спешного отступления денкинцев его бросили вместе с другими больными на разбитой железнодорожной станции на «ничьей земле», где не было ни белых, ни красных. Стало понятно, что оставаться там — верная смерть. Отец выбрал, как ему показалось, промежуток между приступами и рано утром оправился в путь к ближайшему хутору. Он шел целый день, стемнело, начался приступ возвратного тифа, он считал, что сбился с дороги... упал на снег и молился, вставал, шел и снова упал. И вдруг петух... пропел петух. Нет, он не заблудился, охотничья сметка не подвела! Он вышел абсолютно правильно туда, куда шел, только сил у него было мало, и он не рассчитал, что будет идти так долго. В первом же доме, куда он постучал, ему открыли дверь... и его там вывели и спасли. Фамилия его спасителей — Губаревы, жили они в хуторе Синегорском станицы Екатерининской области войска Донского.

Полтора года родители А.Н.Ф. не знали ничего о его судьбе, и, когда он вернулся с фронта, вопрос о своей будущей специальности уже решал сам — восстановился на биологическом факультете Нижегородского университета. И до, и после Гражданской войны летом Формозов подрабатывал в изыскательской партии Министерства путей сообщения на брандвахте, картировавшей фарватер Волги, Сухоны и Северной Двины. Многочисленные рисунки из этих путешествий еще ждут публикации.

Бывший красноармеец А. Формозов. 1920

5

Книга «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста» — в первую очередь раскрытие художественного дара Александра Николаевича. Причем не только анималистического! А пейзажи? А веточки-листочки-грибы-погрызы-поеди? А жанровые сценки, этнографические наброски и многое-многое другое? Воистину надо брать шире — не только анималист, а настоящий «художник-натуралист».

Книга построена в биографическом ключе — как дневник о путешествиях. Предисловие погружает

читателя в атмосферу, в которой формировался будущий летописец природы. Странички из первых дневников, ранние наброски, старинные фотографии из семейного альбома и из экспедиционных странствий. А дальше — в хронологическо-географическом порядке — Мурман и Шарья, Монголия, Приморье и Амур. Минимум текста, рисунки, рисунки, рисунки, говорящие об этих краях больше, чем слова. Больше всего полевых набросков, лаконичных, но очень точных — жанр, в котором почти разучились работать нынешние

анималисты! Есть и настоящие картины. Черно-белая графика, простые и цветные карандаши, акварель. Пожелтевшая фактурная бумага рисунков и в тон ей выдержки из полевых дневников Александра Николаевича на таких же желтоватых планках — переключка авторских строчек и изображений. А комментарии составителя (сына Николая Александровича Формозова) и подписи под рисунками — на белом фоне. Решение очень изящное и продуманное. Впрочем, как изящна и красива и сама книга, ее дизайн, альбомный формат,

Разворот из книги А. Н. Формозова «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста»

ПРИМОРЬЕ И АМУР

(экспедиция АН СССР на Дальний Восток в 1928 году)

Одна из самых нарядных дальневосточных птиц — желтогорлая овсянка. Даже по-латыни она зовется *Emberiza elegans*, что значит «овсянка элегантная»

Летом 1928 года А.Н. Формозов был включен в один из отрядов Амурской экспедиции Академии наук в качестве специалиста по млекопитающим. Это была его уже вторая академическая экспедиция. Первая — Монгольская — дала обильный урожай публикаций: научно-популярную книгу «В Монголии», фундаментальную сводку о зверях этой страны и несколько статей в ведущих иностранных и отечественных журналах. Вторая же, Амурская, в творчестве Формозова почти не оставила следов. При жизни автора были опубликованы лишь два научно-популярных очерка: «Путевые заметки (из окна поезда Москва — Владивосток)» и «Страна гималайского медведя, амурского тигра и непальской куницы» в журнале «Юный натуралист». Глава «На Нижнем Амуре» из книги «Записки натуралиста» осталась в набросках, ее реконструкцию подготовил и опубликовал в сборнике «Среди природы» старший сын Александра Николаевича, археолог А.А. Формозов. В письмах Александр Николаевич назвал поездку на Дальний Восток «вторым университетом за экспедиционный счет». Его спутником был замечательный, тогда еще очень молодой орнитолог Леонид Михайлович Шульпин (1905–1942). Для Шульпина это был уже третий завершающий сезон на Дальнем Востоке. Это было и удачей, и трудностью для Формозова. С одной стороны, благодаря общению с Леной, как Формозов звал Шульпина, ему удалось быстро освоить абсолютно новую для него фауну птиц, приведенные в дневнике оригинальные словесные расшифровки птичьих голосов (например, ширококрылая кукушка — «по-берешь — по-берешь», все повышая тон; малая кукушка — «пощечинку дам»), скорее всего, принадлежат Шульпину. Но с другой — Леонид был заинтересован в том, чтобы добрать материал по тем районам, где еще не был, объехать за один сезон как можно больше — это мешало привычной для такого натуралиста, как Формозов, вдумчивой стационарной работе. Расстались Формозов и Шульпин близкими друзьями, их сближали и сходные научные интересы, и любовь к природе, и общее чувство юмора. Безвременная гибель командира минометной роты Л.М. Шульпина в марте 1942 года на Ленинградском фронте была огромной потерей для нашей науки. К 35 годам он был автором и первого учебника по орнитологии, и первой монографии по птицам Дальнего Востока.

210

План путешествия

Китаец, который несет мой багаж с вокзала. Китаец называется здесь — «ходя» или «догул(и)ка», потому что на спине у него рогулька для укладки вещей, когда работы нет, на ней удобно сидеть

Научно-популярные книги А.Н. Формозова «Спутник следопыта», «Шесть дней в лесах», «Среди природы» выдержали много изданий и хорошо известны. Вместе с тем огромное художественное наследие Формозова до сих пор не было опубликовано. Вышедшая в 2018 г. книга — первый изданный альбом А.Н. Формозова. В нем собраны иллюстрированные рассказы о его путешествиях на Мурман в 1927 и 1929 гг., в Монголию в 1926 г., в Приморье и на Амур в 1928 г. и о работе в тайге Шарьинского района Костромской области в 1930—1940 гг. В книге более 500 иллюстраций, большая часть которых публикуется впервые. Рисунки сопровождают цитаты из дневников, писем и работ Формозова.

Комментарии и предисловие подготовлены сыном автора, Н.А. Формозовым, с большим тщанием и любовью. Среди пейзажей, портретов животных, рисунков следов их жизнедеятельности немало и этнографических зарисовок: поморских ёл, гиляцких божков, монгольских предметов быта. Книга включила около трети художественного архива автора.

Коллеги А.Н. Формозова говорили, что у него «абсолютный глаз в природе», о его наблюдательности ходили легенды. Это был его главный и самый уникальный талант. Но этот дар дополняли еще два: умение замечательно рассказать об увиденном и талант художника, умение изобразить. Художественное творчество и научная работа сочетались у А.Н. Ф. очень органично. Там, где необходимо, он всегда щедро иллюстрировал свои статьи и книги. Но изобразительное искусство было для Формозова куда большим, чем ремесло иллюстратора. Это был один из его способов общения с природой. Он пропускал через себя красоту и запечатлевал ее. А.Н. Формозов писал: «Мне даже в голову не приходила мысль, что человеческое творчество, описывающее природу, можно любить так же, как и саму природу. Без первого обойдусь, без второго — никак...». Природа для Формозова всегда оставалась лучшим лекарем и другом, способным прийти на помощь, вернуть силы даже в самые темные времена.

Куда мне? Н.А. Формозов, сын А.Н. Формозова
Приморье, Амур, Монголия
Этот «ходящий» ступеньки
Приморье!
Сын

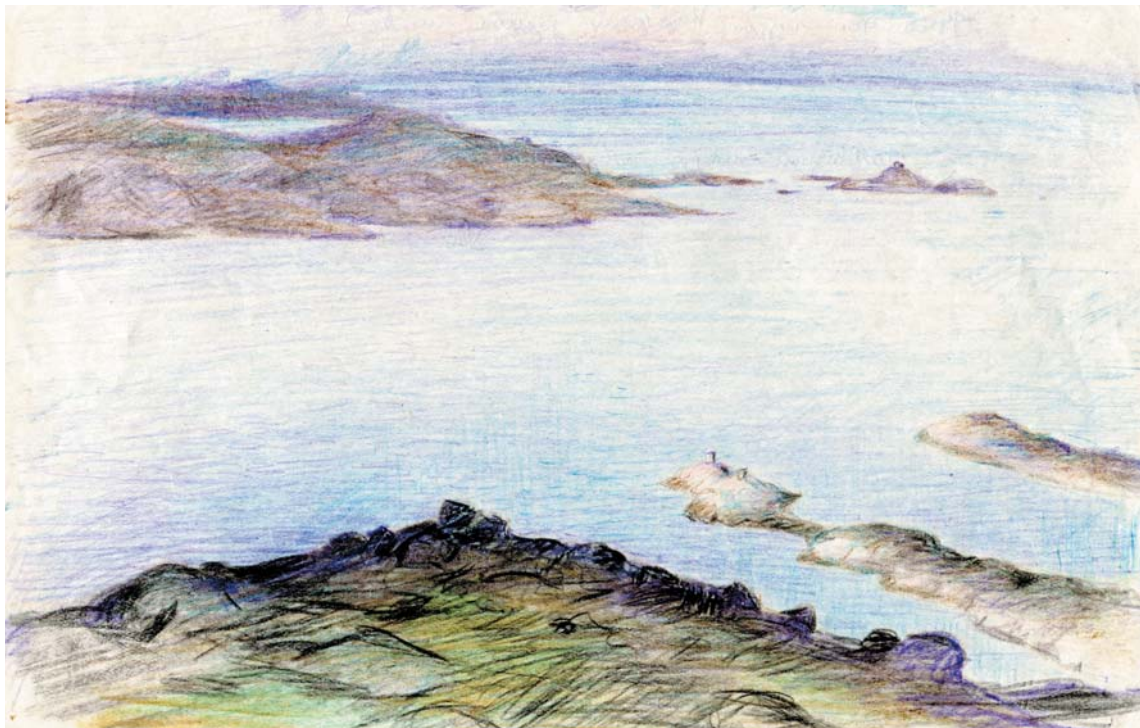
качество полиграфии. И интригующая обложка с тенью конного исследователя на фоне монгольского пейзажа, идея и воплощение которой стали плодом труда трех поколений Формозовых!

Кстати, фирменный «формозовский» стиль узнается сразу, но большинство рисунков незнакомы! Даже тем, кто еще в детстве зачитывался «Спутником следопыта» или «Шестью днями в лесах»! Ведь там были в основном графические иллюстрации. И действительно, большинство работ опубликовано впервые. Так что

сюрпризы ожидают всех, кто рассматривает эту книгу: и давних ценителей творчества А.Н. Формозова, и тех, кто впервые открывает для себя этого замечательного человека. Повесть в рисунках и дневниковых записях заканчивается 1940-ми годами, и мы искренне надеемся, что за первой книгой последуют следующие. Желаем Николаю Александровичу Формозову и всем, кто работал над этим замечательным изданием, продолжить серию дальше.

Первый разворот главы «Приморье и Амур» из книги А.Н. Формозова «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста»

МУРМАН, 1927

Вид на горло Кольского залива и вход в Екатерининскую гавань с горы Вестник. Чижевский маяк, о-в Седловатый и т.д. Август 1927

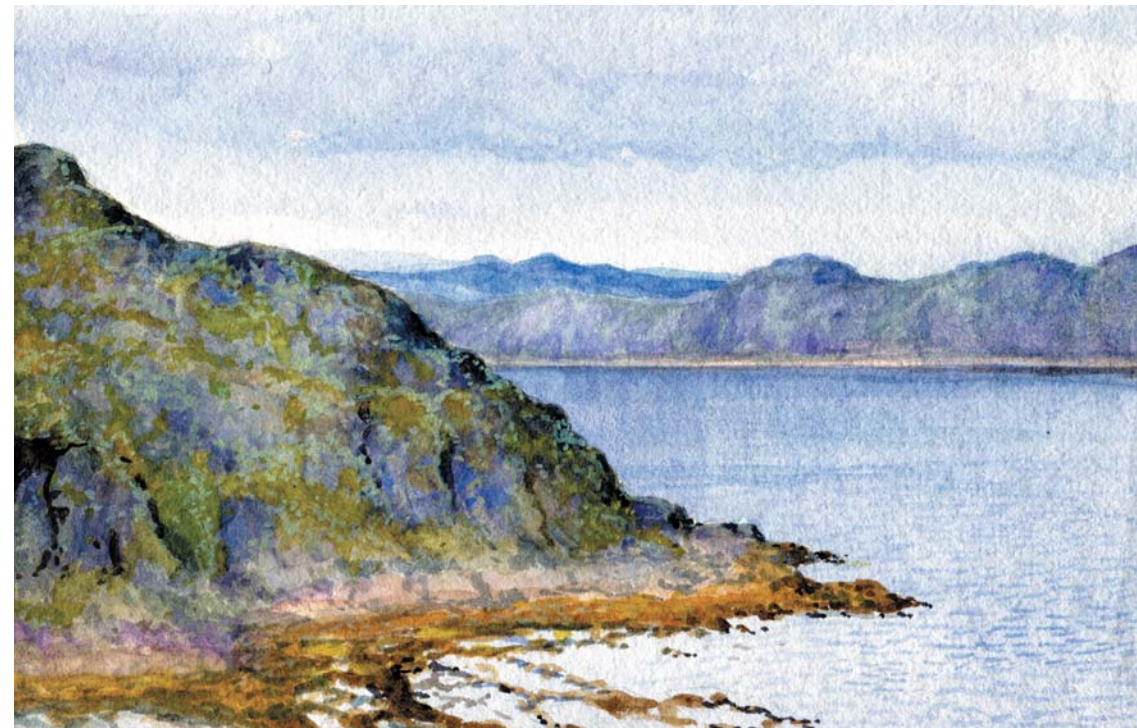
Старое поморское слово «губа» означает то же, что и норвежское слово «фиорд», но если я скажу вам: мы едем в Пала-губу, — это прозвучит, пожалуй, и менее выразительно, и более скромно, чем Пала-фиорд. Впрочем, неважно; это окруженное горами покойное и затихшее, как лесное озеро, пространство вод вряд ли нуждается в особо звучных наименованиях. Там самая лучшая литораль из всех имеющих близ Мурманской биологической станции, самая богатая обнажающаяся при отливе прибрежная полоса, на которой под камнями и в скользких водорослях прячутся морские звезды и крабы, быстрые, тонкие, как змейки, литоральные рыбки-маслюки, тысячи бокоплавов, мелкие актинии, целые грозди мидий и другие моллюски, то в виде крышечек, то в виде тарелок — вся та живность, какую смотрят, ловят, разводят и изучают студенты, приезжающие сюда со всех концов страны.

14

Первый разворот главы «Мурман, 1927» из книги А. Н. Формозова «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста»

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Рисунки из четырех регионов – Монголии, Мурмана, Дальнего Востока и Шарьинского района Костромской области – составляют основу данной книги, и большинство из них публикуется впервые. Одну из своих научно-популярных работ отец хотел назвать «От Мурмана до Каспия». Заглавие этого первого альбома рисунков А. Н. Формозова – память о том неосуществленном проекте. Последовательность глав-путешествий выстроена не в хронологическом порядке, а по географии – с северо-запада на юго-восток.

Екатерининская гавань у Мурманской биологической станции

А какая морoshка по берегам, как густо растет темно-синяя черника и сизая голубика среди мелких пахучих кочек, перемежающихся со скалами, пестрыми от лишайников, и болотцами, снежно-белыми от хохолков пушицы! Всякий отправляющийся в Пала-губу на литораль возвращается не только с банками, переполненными медленно копошащейся живой добычей, но и с губами, синими от ягодного сока. Но не за морoshкой, не за водной живностью приплыл я в Пала-губу.

15

Формозов был художником-самоучкой. Первые уроки правильного обращения с акварелью он получил только в 1922—1923 гг. от В. А. Ватагина. Тогда же М. Д. Езучевский научил его работать с пастелью. Но пастель оказалась очень неподходящей техникой для полевых условий. В монгольскую экспедицию 1926 г. А. Н. Формозов еще возил с собой громоздкий ящик пастельных мелков. По-видимому, единственная пастель, привезенная из этой поездки, была последней работой в этой технике,

выполненной им на природе. Постепенно он отказывался и от акварели (если на полевые сезоны 1926 и 1927 гг. приходится 31 акварельная работа, то на два следующих года – только 7). На моей памяти он в поездки и походы на природу акварельные краски уже никогда не брал. С годами у него выработалась собственная техника рисунка в полевых условиях. Он использовал цветные карандаши или чаще только черный карандаш, который называл «негро». Карандаши путешествовали в продолговатом берестяном

26 июля 1928. Путешественники спустились по Амуру в село Мариинское. Там была надежда найти проводника для поездки по озеру Кизи, откуда можно попасть в залив Де-Кастри, перейдя всего 20 верст через тайгу по хорошей тропе.

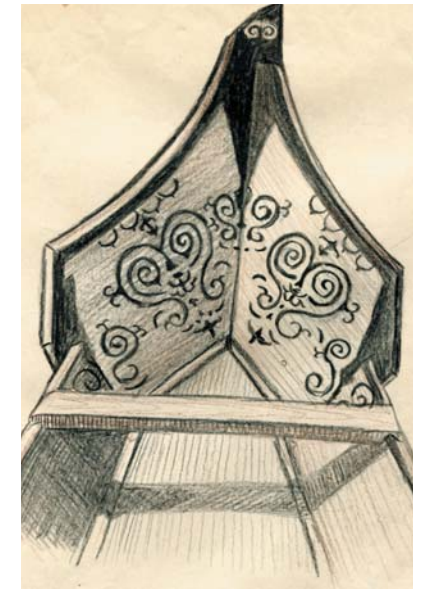
Сейчас пишу на реке Амуре в тупоносой, тупозаходной лодке, трое туземцев-ольчей (ольчи — одно из племен гольдов) увозят нас вниз к селу Мариинскому. Везут нас старик, местный туземный учитель, и пара: ольча Чукго с женой. Ее зовут «Санькой», как это ни странно, туземного имени у нее нет, то есть она из числа насильно крещеных миссионерами. Чукго — пожилой человек в синей рубашке, черных штанах, туземных сапогах. На голове повязка из грязной тряпки, из-под нее свисает на спину косичка и выбиваются на уши пряди выцветших волос. Санька очень молода, ей, пожалуй, 20; она маленького роста, лицо совершенно круглое и такое скуластое, просто диву даешься. Нос очень маленький, прямой, глаза — прямые черточки, нижняя губа слегка выпячена вперед, наверное, от привычки держать во рту неразлучную трубку, вроде монгольской только покороче. «Наш постоянно кури, ваш — кури нету», — говорит она. У нее огромные черные косы с отливом красной меди и очаровательная улыбка, от которой глаза совершенно исчезают и на бронзовой тарелке лица сверкают под трубкой только зубы. Одета она в новый синий халат-рубашку с красными краями и рукавами до локтя черно-белыми, в ушах — серебряные кольца, на руках браслеты, на ногах небольшие остроносые «калоши» и какие-то обмотки. Гребет она рядом с мужем, впереди сидит учитель, я правлю рулем.

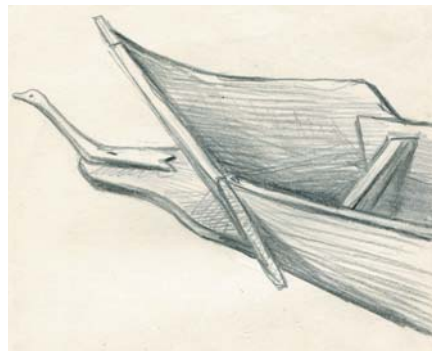
Гилячка Асюшкэ Унака. С. Мариинское. 14 августа 1928

Гилячка у лодки

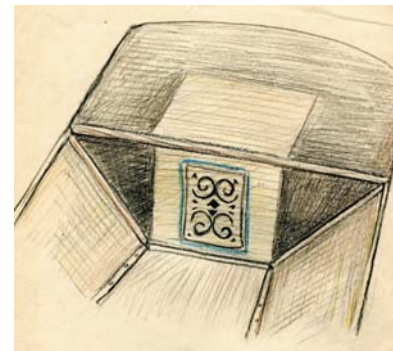

Гиляцкая лодка. Орнамент кормы с внутренней стороны

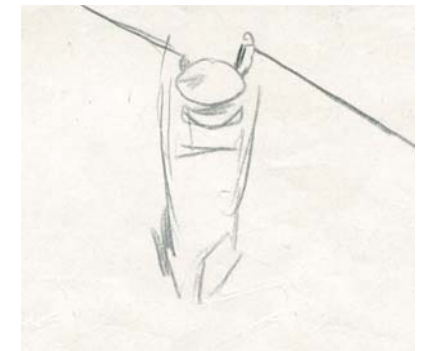

Из Софийского одновременно с нами выехал гиляцкий свадебный кортеж: две лодки, на одной из которых устроен был род палатки. Снаружи на палатке лежали новые одежды, вычурные плетеные корзинки и другие вещи, должно быть, приданое. В палатке лежала невеста — девчонка лет 15–17 в ярко-синем халате с красным кантом понижу и множеством медных побрякушек. Была в числе провожающих одна шаманка — старуха в красной платке, и женщина в туземной берестяной шляпе.

Госа — фигурка утки на носу гиляцкой лодки. Стойбище Хованда близ Мариинского на Амуре. 27 июля 1928

Гиляцкая лодка. Орнамент носовой части с внутренней стороны. С. Мариинское. 15 августа 1928

Набросок, как нанайцы гребут попеременно то правым, то левым веслом

туеске, сплетенном по заказу отца в Киселево. Рисую, папа высыпал карандаши в фуражку, а под бумагу подкладывал специальную гладкую фанерку по размеру полевой сумки. Зоологический рисунок был неотъемлемой частью научного творчества Формозова. Собственно, и стал А. Н. Формозов широко известен как ученый благодаря своим рисункам. Его книга «Спутник следопыта» вся построена на иллюстрациях (в последнем 8-м издании их 370). В 1930—1940-е гг. юные биологи росли, читая «Спутник»,

и поступали в Московский государственный университет, чтобы учиться у Формозова. Рисунки сделали его кумиром нескольких поколений московских студентов. А. Н. Ф. преподавал на биологическом факультете МГУ с 1930 по 1956 г. В то время не было ни красочных определителей, ни диапозитивов, ни хороших проекторов. Многие из представленных в этой книге рисунков служили иллюстрациями к лекциям Александра Николаевича. Они подчинены целям педагогики: например, среди портретов птиц преобладают

профильные, так лучше видны и запоминаются определяющие признаки. Перед каждой лекцией А. Н. Ф. раскладывал множество рисунков на передних столах аудитории. Часто и рисовал во время лекций. Когда вдруг после нескольких штрихов мела на доске появляется портрет зверька, заблестит его живой глаз, у присутствующих остается ощущение чуда. После лекции студенты собирались вокруг передних столов, рассматривали рисунки, Формозов давал пояснения. Можно догадаться, какой след в душах будущих зоологов оставляло природное многоцветье формозовских рисунков в те почти монохромные времена. Ученик Формозова, замечательный зоолог и художник-анималист Владимир

Разворот главы «Приморье и Амур» из книги А. Н. Формозова «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста»

Верхняя метка на пихте на высоте 180–215 см. Отмечена «х» на рисунке справа

19 июля. Наутро отправились в тайгу, в медвежьих владения. Михайлы Ивановичи натоптали везде тропы, разворочали пни, перевернули камни в поисках муравьев и личинок, а в одном месте нашел пихту, основательно исцарапанную когтями медведя. Внизу и вверху кора ободрана когтями передних лап. На дереве заплывшие прежние царапины, недавние незажившие царапины и совершенно свежие, из последних прозрачными каплями вниз стекает смола. В переводе на русский эта метка значит: «Это место мое! Незаконно вторгшись, полюбуйтесь, какие у меня когти...» Я слышал лишь раз, как один ворочал в стороне камни, да на Шульпина у вершины сопки другой рывкнул несколько раз с перепуга. Если их бояться, то работать здесь совсем нельзя. Конечно, в одном стволе ружья все время лежит разрывная пуля, а два других патрона хранятся особо в наружном кармане для моментального доставания в случае надобности. Говорят, что здесь в низовьях Амура, после гражданской войны, попробовав падали и человечины, медведи стали более опасны. Но тот (или те), что держатся у Софийского, судя по следам, совершенно травоядны. Помет — расплывшаяся куча темно-бурого цвета из растительных остатков. На бревнышках, лежащих на высоте 3/4 аршина над тропой, — следы когтей, среди папоротников и высоких зонтичных и злаков на полянах медведь намял целые тропы, колоды и пни разворочены так, что обнажилась красная гнилая древесина.

Расположение меток на пихте

Медвежий след на поваленной ольхе. Село Софийское

Енотовидная собака — типична для дальневосточной фауны. У этого коротконового и небыстрого зверя есть удивительная особенность поведения — при неожиданном появлении крупного хищника или человека енотовидная собака притворяется мертвой

«Енотовидной» эту представительницу семейства Собачьих назвали из-за черной маски на морде, напоминающей окраску североамериканских енотов. На Дальнем Востоке ее для удобства зовут «еноткой», или просто «енотом»

Моисеевич Смирин, писал, что «совмещать научную работу и серьезное рисование необычайно трудно, и Александр Николаевич временами очень страдал от этого». Я с этим не согласен. Первая половина фразы относится в первую очередь к самому В.М. Смирину. Он, человек ранимый, сомневающийся, действительно с трудом и мучениями всю жизнь искал баланс между наукой и искусством. Вторая же часть фразы просто неверна. Художественное творчество и научная работа сочетались у А.Н.Ф. очень органично.

Он всегда щедро иллюстрировал свои статьи и книги. Но изобразительное искусство было для Формозова куда большим, чем ремесло иллюстратора. Я бы сказал, что это был один из его способов общения с природой. Он пропустил через себя красоту и запечатлевал ее. А.Н.Ф. рисовал почти всю жизнь, 62 года из 74 прожитых лет. Последний его набросок датирован 23 декабря 1972 г., за год (без одного дня) до его смерти.

Н.А. Формозов, зоолог, Центр охраны дикой природы

Литература

Формозов А.Н. В Монголии: Очерк путешествия зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР. М.; Л.: Госиздат, 1928. 152 с. (Библиотека для детей старшего возраста).

Формозов А.Н. Амурская зоологическая экспедиция Академии Наук СССР. 1928 г.

Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. М.: МОИП, 1948.

Формозов А.Н. Спутник следопыта / Рисунки автора. М.; Л.: Детгиз, 1943. 200 с.

Разворот главы «Приморье и Амур» из книги А.Н. Формозова «От Мурмана до Амура. Путешествия художника-анималиста»

Формозов А.Н. Среди природы. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 288 с.; 3-е изд. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1997. 256 с.: ил.

Формозов А.Н. От Мурмана до Амура: Путешествия художника-анималиста. М.: Дарь, 2018. 252 с.